

Gizela Grabińska
Uniwersytet Warszawski

МАСОНЫ И МАСОНСКИЕ ИДЕИ
В ТЕТРАЛОГИИ *МЫСЛИТЕЛЬ* МАРКА АЛДАНОВА

Исследователи творчества Марка Алданова (1886–1957) посвящают много внимания историософии писателя, но еще недостаточно разработана масонская тема в творчестве писателя. Литературовед Всеволод Сечкарев, рассуждая об одном из героев тетралогии Баратаеве, вскользь упоминает о том, что герой был алхимиком и в какой-то степени масоном и розенкрейцером¹. В тетралогии *Мыслитель* (1921–1927) Марка Алданова многие герои являются масонами (Ламор, Баратаев, Юлий Штааль, Рибас и другие), писатель не раз затрагивает тему масонства. Именно поэтому, говоря об историософии писателя, необходимо обратиться к этой теме, чтобы выяснить, существует ли связь между взглядами Марка Алданова на историю и его принадлежностью к ордену масонов, и если есть, то в какой степени она нашла отражение в этом литературном произведении.

Согласно Людвигу Хассу, Марк Алданов стал масоном в 1920 году², вступив в парижскую ложу «Fraternité des Peuples». Уже в 1924 году он был одним из основателей ложи «Северная Звезда», в 1931 году — ложи «Свободная Россия» и в 1941 году — масонской группы «Россия» в Нью-Йорке, которые принадлежали к Великому Востоку Франции; писатель был масоном высших степеней³. Марк Алданов активно участвовал в заседаниях и работе лож. В 20-х годах его приглашали

¹ В. Сечкарев: *Резонеры-философы в ранних романах Марка Алданова*. „Новый журнал”, Нью-Йорк 1995, № 200, с. 169.

² L. Hass: *Loża i polityka. Masoneria rosyjska 1822–1995*. Т. II. Warszawa 1998, s. 13. Автор, правда, не называет точного времени вступления Марка Алданова в масонство, но пишет, что он был в то время редактором журнала *Грядущая Россия*, из чего можно сделать вывод, что это был 1920 год, т.е. год издания двух первых номеров этого журнала, после чего его пришлось закрыть.

³ *Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935–1937)*. Т. I. Москва 2000, с. 218.

выступать в других ложах⁴. Свою заинтересованность масонством он сохранил до конца жизни, например, в 1954 году на одном из заседаний он представил участникам деятельность нью-йоркской группы во время войны⁵. В своих воспоминаниях Нина Берберова иронически описывает участие писателя в заседаниях масонской ложи: „Постепенно я стала привыкать к тому, что после позднего сидения в каком-нибудь парижском кафе, когда все расходились по домам, Бунин говорил: «Обедать? В четверг? Но Алданов никогда не может в четверг. Давайте лучше в пятницу. По четвергам он лежит в гробу, на rue Cadet, и вокруг него происходит какой-то таинственный обряд, вы же знаете!»⁶.

Русских эмигрантов, начавших прибывать в Париж уже с 1917 года, привлекало в масонстве то, что «королевское искусство» имело большое влияние во французских правительственных кругах. Очень многие связывали свое членство в масонской организации с надеждой помочь России, а также, может быть, улучшить собственное, нередко незавидное, положение. Один из организаторов зарубежного масонства, бывший консул в Париже Леонтия Кандауров так писал о цели создаваемой им организации русского франкмасонства: «[...] дабы эта организация смогла, когда позволят обстоятельства, начать действовать в России, в видах морального восстановления ее и организации образованного класса, который сам, в силу нашего характера, организовать вряд ли сможет»⁷. К сожалению, неизвестно, чем руководствовался Марк Алданов, становясь членом ложи. Можно только строить предположения о его мотивировке. Известно⁸, что в 1918 году Марк Алданов попытался предпринять активные действия по спасению России от большевиков, совершив заграничную поездку по нескольким европейским столицам с делегацией политических деятелей, принадлежавших к трем дореволюционным политическим партиям и объединенных в организацию под названием «Союз возрождения России». Но поездка оказалась неудачной: ни денег, ни оружия делегация не получила. Из этого можно сделать вывод, что стремление помочь родине, скорее всего, было решающим. Попытаемся рассмотреть на примере тетралогии *Мыслитель*, имели ли влияние масонские идеи на историософскую точку зрения писателя. Считается также, что «для писателя-масона творчество является прекрасным средством для распространения идей

⁴ L. Hass: *Loża i polityka...*, s. 57.

⁵ Там же, с. 160.

⁶ Н. Берберова: *Люди и ложи. Русские масоны XX столетия*. Харьков 1997, с. 4.

⁷ Цит. по: О. Соловьев: *Масонство в мировой политике XX века*. Москва 1998, с. 87.

⁸ Ст. Никоненко: *Мужество созидания*. Вступ. статья. В кн.: М. Алданов. *Большая Лубянка*. Москва 2002, с. 7.

и идеалов свободных каменщиков»⁹. Справедливо ли такое утверждение в отношении Алданова?

Обращает на себя внимание название тетралогии. После публикации в 1921 году *Святой Елены, маленького острова* Марк Алданов печатает в том же году роман *Девятое термидора*, в предисловии к которому впервые упоминает о том, что он составляет часть исторической еще трилогии *Мыслитель*. В этом же предисловии автор объясняет, что общее заглавие „[...] дает химера «Le Penseur» (иначе «Le Diable Penseur»), находящаяся на вершине собора Парижской Богоматери»¹⁰. Масонство ведет свое начало от средневековых товариществ строителей, «вольных каменщиков», которые собирались на постоянных дворах, куда допускались также незнакомые странствующие мастера, если, конечно, могли доказать свою принадлежность к профессии¹¹. С XVII века в таких встречах могли также участвовать люди других свободных профессий — юристы, врачи, ученые... «Вольные каменщики» охотно их принимали, так как присутствие известных в городе людей поднимало престиж их «мастерских». Именно тогда масонство преобразовалось из оперативного цеха мастеров, работающих с камнем, в ложу мыслителей¹². В литературе предмета эти две подгруппы называются также «практическими масонами» (т.е. строителями, профессионально связанными с цехом) и «духовными масонами», «занятыми нравственным строительством»¹³. Целью союза было не столько строительство материального, сколько духовного, вечного храма. Таким образом, статуя Химеры может выступать в качестве символа деятельности каменщиков, которые использовали в строительстве, говоря аллегорическим языком, не только камни добра.

Марк Алданов говорил о связи, существующей между образом Ламора и Ваятелем *Пролога* (1, 37). Действие *Пролога* относится к XIII веку, Ламор жил в XVIII веке. Исследователь Всеволод Сечкарев считает, что Ваятель — это сам Пьер Ламор¹⁴: у обоих «усталое, темно-желтое

⁹ I. Fijałkowska-Janiak: *Literatura i loża. Wpływ wolnomularstwa na literaturę rosyjską (uwagi wstępne)*. В кн.: *Cywilizacja Rosji imperialnej*. Red. P. Kraszewski. Poznań 2002, с. 175.

¹⁰ М. Алданов: *Девятое термидора*. В кн.: *Собр. соч. в 6 томах*. Т. 1. Москва 1991, с. 39. В дальнейшем цитируется по этому изданию с указанием в скобках тома и страницы.

¹¹ J. Wojtowicz: *Masoneria — wielka niewiadoma?*. Toruń 1992, s. 8.

¹² Е. Кваадграсс: *Масонство и его связи с учением розенкрейцеров*. В кн.: *Новиков и русское масонство*. Москва 1996, с. 59.

¹³ См., напр.: В. Черняк: *Невидимые империи: Тайные общества старого и нового времени на Западе*. Москва 1987, с. 38.

¹⁴ В. Сечкарев: *Резонеры-философы...*, с. 145.

лицо», оба отрицают жизнь и оба заботятся о своем здоровье. Они также пессимисты, презирающие людей. Наполеон называет Ламора Вечным Жидом (2, 376), который, как известно, был осужден Богом на вечную жизнь и скитания. Из всего этого можно заключить, что действительно, Ваятель и Пьер Ламор — это одно и то же лицо. Именно Ваятель создал статую Мыслителя, сидящего на одной из башен собора Парижской Богоматери. Как скульптор он вполне мог принадлежать к союзу «свободных каменщиков», Пьер Ламор говорит о себе: «Ведь я, быть может, самый старый масон из всех ныне живущих на свете» (2, 31). В конце романа *Девятое Термидора* Марк Алданов приводит описание статуи: «Опустив голову на худые руки, наклонив низкую шею, покрытую черной тенью крыльев, раздувая ноздри горбатого носа, высунув язык над прямой звериной губою, бездушными, глубоко засевшими глазами в пропасть, где копошились люди, темный, рогатый и страшный, смотрел *Мыслитель*» (1, 316). На восклицание монаха, что это насмешка и грех извлекать страшную статую в таком месте, Ваятель отвечает, что это не насмешка, он не стал бы смеяться над самим собой (1, 48). Из этого следует, что Ваятель изобразил себя, хотя и в карикатурном виде. Таким образом, создается смысловая и образная цепочка Мыслитель-Ваятель-Ламор, делая образ последнего, являющегося активным масоном, центральным во всей тетралогии¹⁵.

Героев-масонов в тетралогии немало, начиная с вымышленных (Пьер Ламор, Баратаев, Юлий Штааль, Иванчук) и кончая историческими героями (Пален, Рибас, Талызин, император Павел I). Как и во всяком течении, мотивы вступления в союз у героев различные: карьерист Иванчук становится масоном, узнав, что в ордене состоит государь, Талызина приводит желание самоусовершенствоваться, Штааль хочет сделать военную карьеру, де Бальмена, раздумывающего, не стать ли ему масоном, привлекает древность ордена и влияние его членов, имеющих высокое положение в обществе. По Алданову, обычными занятиями для русской аристократии XVIII века были хозяйство, философия, искусство, масонство, далее земская служба и революция (2, 207). История масонства в России размещается в хронологическом отношении между первой четвертью XVIII и первой четвертью XIX веков; касается многих видных людей русской культуры, таких, как Новиков, Радищев, Суворов, Кутузов, Карамзин, Державин, Пушкин¹⁶. Во время зарождения

¹⁵ Более подробно об этом см.: G. Grabińska: *Пьер Ламор как образ Вечного Жида в тетралогии Марка Алданова „Мыслитель“*. „Studia Rossica” 2003, t. XII, s. 53–65.

¹⁶ А. Валицкая: *Идея совершенного человека в новиковской редакции масонства*. В кн.: *Новиков и русское масонство*. Москва 1996, с. 5; *Масонство и русская литература XVIII–XIX вв.* Ред. В.И. Сахаров. Москва 2000.

масонства в России ему покровительствовал сам Петр I. Немного остыл к нему интерес в последние годы XVIII века. Как пишет Марк Алданов на страницах *Заговора*, действие которого относится к концу XVIII века, «немало видных, почтенных людей в молодости принадлежало к масонству. Некоторые из них плохо помнили, почему вошли в орден» (2, 38). Отсутствие интереса к масонству легко объясняется тем, что Екатерина II, опасаясь организационной зависимости российского масонства в то время от Берлина, подвергла репрессиям российские ложи¹⁷. В романе *Девятое термидора* описывается следующий исторический факт: «Знаменитый своей жестокостью, старый князь Прозоровский был послан Екатериной в Москву на усмирение масонов и мартинистов¹⁸. [...] Прозоровский свою миссию выполнил в Москве вполне успешно: масонство и мартинизм были искоренены, а Николай Иванович Новиков взят под стражу, привезен в Петербург и заключен, после допроса у Шешковского, в Шлиссельбургскую крепость» (1, 74–75).

Масонство в России стало вновь популярным при императоре Павле I, который сам был членом масонской ложи, а достигло расцвета во втором десятилетии XIX века. Думается, именно поэтому больше всего строк посвящено масонам на страницах *Заговора*, охватывающего своим действием рубеж XVIII–XIX веков. Автор описывает активное участие масонов в заговоре, заседание масонской ложи у Талызина, цели вольных каменщиков.

Согласно определению Людвика Хасса¹⁹, масонство — это наднациональное морально-этическое течение, основной организационной единицей которого является ложа. Она представляет собой место, куда приходят порядочные люди, имеющие добрую волю, независимо от своего общественного и имущественного положения, национальности и расы, вероисповедания и философских, общественных либо политических взглядов, встречаются друг с другом по принципу равенства и братства, чтобы самосовершенствоваться и общими усилиями, мирным путем, довести человечество до солидарности и общего блага. Во всех уставных документах масонов подчеркивается²⁰, что они являются патриотами своих отечеств, законопослушными подданными и гражданами; их учение заполнено думами о добре и зле, войне

¹⁷ L. Hass: *Wolnomularstwo w Europie Środkowo-Wschodniej w XVIII i XIX wieku*. Wrocław 1982, s. 182.

¹⁸ Мартинизм — одно из направлений масонства, выражавшее свой интерес прежде всего к оккультизму.

¹⁹ L. Hass: *Loża i polityka...*, s. 193.

²⁰ См., напр.: О. Соловьев: *Масонство в мировой политике XX века*. Москва 1998, с. 15.

и мире. Главная их цель — достижение Эдема на земле, но «пути этого достижения были различными: мистическое откровение, выдающееся открытие или социальный переворот, но основополагающим являлось духовно-нравственное совершенствование под влиянием руководителей и самосовершенствование масонов»²¹. В романе *Заговор* один из героев, Талызин, так определяет цели масонства: «самоусовершенствование, создание лучших учреждений, создание лучших людей» (2, 47). Циничный Ламор спорит с ним: «Масонство — это организация по борьбе с людоедством, действующая посредством раздачи орденов, выгодных мест и других хороших вещей тем, кто людоедством занимается меньше» (2, 46). Его слова можно объяснить отношением Пьера Ламора к людям: он исходит из того, что человек не хорош по природе, а дурен, и только воспитание с самого детства, «гимнастика души», может человека усовершенствовать. В этом он противоречит, как сам же отмечает, идее масонства, провозглашающей обратное, что человек хорош по природе (2, 47). Может быть, поэтому его слова участники собрания встречают с недоумением и негодованием. Старик утверждает, что «будущее мира зависит от воспитания молодых поколений» (2, 47). Гораздо легче говорить о целях масонства, чем о его идеологии. Сам факт, что в ложи приходили люди, имеющие разные взгляды и убеждения, духовные ценности, затрудняет говорить о масонстве как о каком-то одном направлении. По словам исследователя Еверта Квадграсса, «[...] функция масонства заключается в том, чтобы предоставить платформу для свободной мысли и свободы совести. [...] Масон должен нести чисто индивидуальную ответственность за те истины и ценности, которые он черпает из источников, которые ему предоставляет масонство. Этот принцип представляет собой один из краеугольных камней истинного масонства, он бдительно охраняется всеми истинными ложами и другими масонскими институтами во всем мире»²². Не случайно Талызин, «убежденный и деятельный масон», думает, что «только масонство дает ему такую внутреннюю свободу» (2, 40).

В *Заговоре* российское масонство имеет те же принципы, что и масоны других стран мира. Итак, несмотря на то, что дипломатические сношения с Францией еще не восстановлены, национальность приехавшего гостя-француза не имеет в масонских кругах никакого значения (2, 39). Талызин отстаивает в ложах демократические взгляды и стоит за свободный доступ для людей всех сословий (2, 206).

²¹ А. Серков: *Российское масонство*. «Звезда» 2000, № 7, с. 169.

²² Е. Квадграсс: *Масонство и его связи...*, с. 62.

К далекому прошлому восходят некоторые традиции масонов, например, особенное рукопожатие, которое служило опознавательным знаком для незнакомых друг с другом масонов. Марк Алданов приводит масонское обозначение времени: Ламор напоминает Баратаеву, когда они познакомились друг с другом — «[...] было это более двадцати лет тому назад. Точнее: в седьмой день второго месяца, в год истинного света пять тысяч семьсот семьдесят восьмой [...]» (1, 491). В прощальной сцене в Неаполе Ламор бросает Баратаеву фразу «*Salute e fratellanza!*», что означает по-итальянски «Привет и братство». Эти слова не случайны: одним из принципов масонства является «братство человечества»²³, поэтому адепты обращались друг к другу как братья. Штааль называет Баратаева розенкрейцером (1, 327). Этот орден, насчитывающий больше лет, чем масонская ложа мыслителей, и представляющий собой разновидность масонов, в центре своих практических интересов ставил превращение простых металлов в благородные, алхимия занимала очень важное место в их науке. Розенкрейцеры считали, что трансцендентальные знания дадут им власть над миром духов, что позволит постичь тайны природы и достичь богатства, счастья, здоровья и долголетия²⁴. Алхимия ищет средства для очищения души, возведения ее на высшую ступень после смерти и возрождения. В толстой тетради Баратаев излагает свое учение, содержащее не только алхимические соображения, но и идеи масонства и розенкрейцеров. На первой странице тетради стоял эпиграф: «Тот хорошо жил, кто хорошо скрывал» (1, 431). Эти слова, как оказывается позже, Баратаев заимствовал от Декарта, который, по утверждению Ламора, тоже был розенкрейцером. Ламор отзывается о Декарте: «Умный был человек. Самый мудрый из людей, если не считать Екклезиаста» (2, 303). Не случайно Ламор называет Баратаева неудачным Декартом (2, 305). Баратаеву после кропотливого труда удается создать чудодейственный эликсир. Он вдыхает исходящие из колбы пары создавшегося напитка и умирает, успевая написать: «Не жизнь, а смерть в сием эликсире [...]» (2, 307). Остается неизвестным, в каком состоянии обновится его душа.

Для Баратаева чрезвычайно важной являлась цифра 2, о которой он писал, что «два — число вещее» (1, 307). Цифры играют в масонской символике важную роль, символизируя идею. Два обозначает два столпа «И» и «В», расположенных по бокам входной двери зала заседаний масонов. Эти понятия взяты из Библии, в которой говорится: «И послал царь Соломон, и взял из Тира Хирама... он владел способностью,

²³ Цит. по: В. Черняк: *Невидимые империи...*, с. 47.

²⁴ L. Nass: *Wolnomularstwo...*, s. 93.

искусством и умением выделывать всякие вещи из меди. И пришел он к царю Соломону, и производил у него всякие работы... И поставил столбы к притвору храма; поставил столб на правой стороне, и дал ему имя Иахин, и поставил столб на левой стороне, и дал ему имя Воаз»²⁵.

У масонов эти столпы символически изображали зимнее и летнее солнцестояние, Геркулесовы столпы и т.д. Вокруг ложи устанавливались еще десять столпов, соединенных с первыми двумя, что подчеркивает важность первых двух²⁶. Также они являются символом постоянства и прочности, используются во всех обрядах «свободных каменщиков»²⁷. Баратаев так объясняет значение цифры два: «Камень мудрости, очищенный философским огнем, есть образ Феникса, возрождающегося из пепла. Все повторяется. Здесь есть тайна, которую никто не сумеет раскрыть. Два — число вещее. Целостное познание — мой идеал, которого я должен достигнуть» (1, 433). Еще в своей книге *Огонь и дым* (1922) Марк Алданов впервые провел мысль, что история возвращается²⁸. Число два имеет свое влияние также на художественное содержание самой тетралогии *Мыслитель*. Обращаясь к французской революции, писатель прежде всего старался провести параллели с российской революцией XX века. В романах также описываются две революции (французская и неаполитанская), два переворота (во Франции и России). Повторяется история и в личной жизни главного героя Юлия Штаала: ему, наслаждающемуся на лоне природы с Настенькой чтением книги, приходит в голову, что нечто похожее он когда-то уже пережил — «Это всем известное ощущение, знакомое Штаалу и по опыту, и по книгам, было ему очень неприятно» (1, 426). Изменились лишь детали: вместо Настеньки была Гертруда, читали они не *Наталью, боярскую дочь*, а *Страдания молодого Вертера*, и читал не он, а она... Мысль Баратаева о том, что все в жизни происходит два раза, Штааль вспомнит еще раз в похожей ситуации (2, 240). В ночь заговора, когда обрывается жизнь императора Павла, в версте от замка умирает Баратаев.

Теоретико-философские вопросы, которыми интересовалось масонство, касались, с одной стороны, человеческой личности и всего комплекса духовных проблем, а с другой стороны, Вселенной и места человеческой личности в этой космической системе²⁹. Ученый-историк

²⁵ *Третья книга Царств*: гл. 7, 13–21.

²⁶ В. Черняк: *Невидимые империи...*, с. 55.

²⁷ J. Wojtowicz: *Masoneria...*, s. 110.

²⁸ М. Алданов: *Огонь и дым*. Париж 1922, с. 27.

²⁹ J. Wojtowicz: *Masoneria...* s. 44.

Ежи Войтович пишет, что масонство не создало ничего нового, черпая свои знания из старых источников, таких, как античные обряды посвящения, христианский эзотеризм, традиции профессии каменщиков и рыцарские традиции³⁰. Причем эти источники доходили посредством Ветхого и Нового заветов, еврейских книг, сочинений философов античного времени, Средневековья и Возрождения. Олег Соловьев³¹ считает, что орден больше всего почерпнул из христианских заповедей добра, равенства, мира. Оттуда взята также трактовка Бога в качестве логоса (что означает в переводе с греческого «мысль», «разум», «закон»), которого большинство масонских «послушаний» называет Великим Архитектором Вселенной — некоей отвлеченной первопричиной сущего. Наполеон Алданов считает, что человеку свойственно иметь потребность в религии, хотя из великих людей, которых знал Наполеон, почти никто и не верил в Бога (2, 372). Он рассуждает: «Я пробовал когда-то дать другой выход религиозным потребностям человека, — я хотел опереться на масонство. Нет, не удалось: слишком они беспокойные люди и уж очень уважают разум. Мне с ними было не по пути... Католическая вера надежнее» (2, 375). Ваятель-Ламор в Прологе несколько раз цитирует Екклезиаста, затем внушительно говорит: «Воображение Творца велико, но не бесконечно. Бесконечна в мире только человеческая глупость» (1, 45). Это звучит в соответствии с философской мыслью тетралогии. По справедливому замечанию Всеволода Сечкарева, эта цитата могла бы послужить «эпиграфом к философии истории, как ее воспринимает Алданов»³². Сам Алданов был далек от того, чтобы безгранично верить в провидение Бога, в то, что все в мире происходит по Божьей воле. Поэтому можно предположить, что устами масона Талызина он выразил собственное отношение к масонству: «Он в масонстве видел тот компромисс свободомыслия с верой, который допускался просвещенными людьми» (2, 205).

Скептик Пьер Ламор делает большой комплимент масонским ложам, с их стремлением к нравственному самоусовершенствованию, утверждая, что «в мире дьяволу принадлежит все, а в масонстве только как-никак пятьдесят процентов» (2, 31). И тут же бросает фразу, на первый взгляд малопонятную: «Я верю, что наш орден был основан Соломоном. Но к этому масонству можно прийти, только подарив окончательно мир дьяволу» (2, 31). Ламор говорит это в Петербурге, куда приехал с целью возобновить масонские связи с Россией. Франция недавно пережила революцию, российские масоны готовятся к заговору

³⁰ Там же, с. 45.

³¹ О. Соловьев: *Масонство в мировой политике XX века*. Москва 1998, с. 9.

³² В. Сечкарев: *Резонеры-философы...*, с. 159.

против императора Павла I. В контексте исторических событий мысль Ламора становится более ясной. В *Книге уставов*, написанной мастером ложи Дж. Андерсоном и выпущенной впервые в 1723 г., описывается подробно нравственный закон «вольных каменщиков» и говорится, в частности, что масон «не должен никогда вмешиваться в заговоры и конспирации против мира и благоденствия народов, никогда не нарушать постановления властей. Ведь войны, кровопролития и смуты всегда наносили ущерб масонству, в мирные же времена братство всегда процветало»³³. Можно заключить из вышесказанного, что Пьер Ламор проводит мысль, что в наставшие времена масоны не могут оставаться пассивными, иначе мир завоюет дьявол. Ему возражает его собеседник Баратаев, подчеркивая, что он сходится с Ламором, может быть, в отдельных взглядах, но не в главном (2, 31). Становится понятным, почему Баратаев не принимает участия в заговоре, считая это дело преступлением (2, 209).

Непонятно каким образом, но Пьер Ламор всегда оказывается в гуще событий: то он в центре революционного Парижа, попадает в тюрьму, но каким-то чудом спасается, позже он, вместе с Баратаевым, — среди участников Неаполитанской революции, затем приезжает в Петербург перед самым заговором на Павла I. Спустя многие годы, во время работы Союза Благоденствия, в которой российские масоны принимали активное участие, другой герой, де Бальмен, также недоумевает: «[...] всякая политика, реакционная и революционная, есть вещь земная, грубая, жестокая и грязная. Масонство же как будто относилось к другому разряду вещей, — к разряду бессмертия души и загробной жизни, а не заговоров, не переворотов и не революций» (2, 346). Кстати говоря, российское масонство двадцатых годов XIX века отличалось консерватизмом и верноподданническими чувствами, и поэтому лидеры будущих декабристов отказались использовать его в своих политических целях и покинули ложи³⁴. С августа 1822 года — по приказу Александра I — российское масонство перестало официально существовать и стало нелегальной организацией³⁵.

Талызин, наиболее деятельный масон, мучается сомнениями, морально ли то, в чем он участвует: «Александр встает против отца, а мы против главы и покровителя масонского ордена, против человека, которого мы двадцать лет называем *братом*. Что с того, что государь отошел от ордена? Он остыл, но ничему не изменил, он братом остается» (2, 208–209). И все же Талызин, вопреки собственным убежде-

³³ Цит. по: О. Соловьев: *Масонство...*, с. 15.

³⁴ Там же, с. 23.

³⁵ I. Fijałkowska-Janiak: *Literatura i loża...*, с. 187.

ниям, принимает участие в заговоре, ставя интересы и добро России выше даже масонских идеалов и принципов. Помешавшийся император отстранен от престола, Россия «дьяволу не подарена». С этим отношением к событиям можно непосредственным образом связать убеждение Алданова в том, что гениальная личность только умело использует счастливый случай против несчастного³⁶, оказывая таким образом влияние на исторический процесс.

Итак, будучи активным деятелем в масонстве, Марк Алданов не мог не использовать в своем художественном мировоззрении такие масонские идеи, как компромисс свободомыслия с верой, активное участие в событиях и использование счастливой случайности в свою пользу и борьба с несчастными формами случая, стремление к нравственному самоусовершенствованию, использование символики числа два во взгляде на повторяемость событий и возвращения истории. Эти идеи составляют важную и неотъемлемую часть в историософии писателя, нашедшей свое отражение в его художественных произведениях и выкристаллизовавшейся в окончательном виде в его философском трактате *Ульмская ночь. Философия случая* (1953), который он написал за несколько лет до своей смерти³⁷.

Gizela Grabińska

MASONI ORAZ IDEE MASONSKIE W TETRALOGII
MARKA ALDANOWA *MYŚLICIEL*

Streszczenie

Na przykładzie tetralogii *Myśliciel* Marka Aldanowa autorka bada tematykę masonską, stanowiącą ważny komponent jego historiozofii. Idee masonskie miały wpływ na artystyczny światopogląd Aldanowa: kompromis wolnomyślicielstwa z wiarą, aktywne uczestnictwo w wydarzeniach oraz wykorzystywanie szczęśliwego przypadku na swoją korzyść, dążenie do moralnego samodoskonalenia, wykorzystywanie symboliki liczby dwa przy przedstawianiu powtarzalności wydarzeń historycznych.

³⁶ М. Алданов: *Ульмская ночь. Философия случая*. В кн.: того же: *Собрание сочинений в 6 книгах*. Москва 1995–1996, с. 274, 295.

³⁷ Более подробно об этом см.: Г. Грабиньска: *Историческая тетралогия Марка Алданова „Мыслитель”*. Уфа 2005, с. 95–110.

Gizela Grabińska

MASONS AND MASON IDEAS
IN MARC ALDANOV'S TETRALOGY *THE THINKER*

Summary

On the example of Mark Aldanov's tetralogy *The Thinker* the present author traces the mason theme so important for Aldanov's history of philosophy. Mason ideology influenced Mark Aldanov's artistic outlook and equipped him with a balanced worldview of freethinking and faith, active participation in events and reliance on luck, aspiration for moral self-perfection and fondness of symbolism, especially where the latter applied to recurrence of events in history.